

ВЫХОДНОЙ УЗЕЛ

АНДРЕЙ ЛЕСНОЙ

18+

Андрей Лесной

Выходной Узел

«Автор»

2026

Лесной А.

Выходной Узел / А. Лесной — «Автор», 2026

Три года майор Дарья Воронцова охотится за Ноем — создателем «Ковчега». В этой скрытой сети прячут женщин, бегущих от мужей, а на тёмной «Пристани» торгуют смертью. Там купил свою смерть её младший брат. Зацепка приводит её в круглосуточный книжный на Васильевском острове. Над разбитым томом «Вестника Европы» она знакомится с Тёмой — тихим сисадмином, который чистит мандарины одной спиралью и пишет без заглавных букв. Совсем как Ной. Она влюбляется в того, кого должна арестовать. А он узнаёт, кто она, — и не бежит. Арест в читальном зале с зелёными лампами — только начало. Ноя обвиняют в заказном убийстве, и улики безупречны. Против него — лучший друг, свидетели и вся машина следствия. За него — только она. И одна-единственная буква. Романтический триллер о любви, долге и о том, что иногда человеку больше всего нужно, чтобы его нашли.

© Лесной А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Лесной

Выходной Узел

Андрей Лесной
**ВЫХОДНОЙ
УЗЕЛ**
роман

впрочем, иногда человеку больше всего нужно, чтобы его нашли
Ной. Первое письмо «Ковчега», 1 апреля 2019 года

Содержание

Пролог

Часть первая

Глава первая. Три года

Глава вторая. Ковчег

Глава третья. Ночная лавка

Глава четвёртая. Впрочем

Глава пятая. Первая партия

Глава шестая. Харон

Глава седьмая. Сутки

Глава восьмая. Читальный зал

Часть вторая

Глава девятая. Матросская Тишина

Глава десятая. Часы

Глава одиннадцатая. Опечатка

Глава двенадцатая. Яблони

Глава тринадцатая. Пятое февраля

Глава четырнадцатая. Салфетка

Часть третья

Глава пятнадцатая. Чёрный ящик

Глава шестнадцатая. Живой

Глава семнадцатая. Ладога

Глава восемнадцатая. Буква «ё»

Глава девятнадцатая. Доиграть

Эпилог

Послесловие автора

Пролог

Санкт-Петербург, 11 февраля 2025 года, 11:52

Без восьми двенадцать майор Дарья Воронцова поднялась по широкой лестнице старого здания Публичной библиотеки и остановилась у высоких дверей читального зала.

Шарф она не сняла.

Шарф был серый, длинный, из тех, что продаются в каждом подземном переходе, и до вчерашнего вечера ничего не значил. Теперь он значил всё. Пока шарф на шее — ничего не происходит. Когда она его снимет, всё произойдёт за сорок секунд.

Внизу, у гардероба, человек в чёрной куртке третью минуту изучал расписание лекций о русском книгопечатании. Ещё двое стояли на площадке чёрной лестницы, у двери, которую,

по словам смотрительницы, не открывали с позапрошлого века. Ещё двое сидели в машине на Садовой с выключенным двигателем и запотевшими стёклами. А в двухстах метрах, у Гостиного двора, в серой «камри» сидел полковник Рыков и, наверное, уже в третий раз протирал очки краем шарфа. У него тоже был шарф. Почему-то сейчас она подумала об этом.

Она толкнула дверь.

* * *

В читальном зале пахло старой бумагой, пыльными батареями и чьим-то мокрым свитером. Длинные столы уходили к окнам, и над каждым местом горела лампа с зелёным стеклянным абажуром. Февральский свет из окон был такой слабый, что лампы побеждали. Человек сорок сидело, склонившись над книгами, и тишина была особенная, библиотечная, — тишина, в которой слышно, как переворачивают страницу на другом конце зала.

Он сидел за третьим столом от окна.

Она увидела его не сразу. Сначала она увидела мандарин. Оранжевый, яркий, единственный тёплый цвет в этом зелёно-коричневом мире, он лежал на краю стола рядом со стопкой книг. Есть в читальном зале было нельзя. Он и не ел. Он просто всегда носил с собой мандарин — так, как другие носят зажигалку или ключи.

Потом она увидела его руки на крышке закрытого ноутбука. Потом — тёмные волосы, которые падали ему на глаза. Потом он поднял голову.

Он увидел её раньше. Она поняла это по тому, как он улыбнулся, — без удивления. Так улыбаются человеку, который опоздал на две минуты, хотя все знали, что он придёт.

Она прошла между столами. Пол под ногами скрипел, и каждый скрип казался ей выстрелом. Пожилая женщина в шерстяной кофте подняла глаза от толстого тома, посмотрела на неё поверх очков и снова опустила.

Даша села напротив него. Отодвинула стул так тихо, как смогла. Положила руки на стол. — Ты всё-таки пришла, — сказал он шёпотом.

Она ничего не ответила. Она не знала, что можно ответить на это так, чтобы не было неправдой.

Он смотрел на неё. У него были усталые глаза человека, который не спал ночь, и спокойные — человека, который больше ничего не боится. Очки лежали на столе, на раскрытой книге. Он никогда не надевал их, когда смотрел на неё. Однажды она спросила почему, и он ответил не сразу, а ночью, сообщением, когда они уже разошлись по домам: «потому что без очков ты красивее — впрочем, ты и в очках красивая — просто без очков я вижу меньше лишнего».

Он всегда так писал. Без заглавных букв. Она знала это лучше, чем кто-либо на свете.

— Можно я допишу? — спросил он. — Десять минут.

— Дopiши.

Он открыл ноутбук. Экран засветился, отразился в его зрачках бледным квадратом. Он начал набирать пароль — длинный, она насчитала больше тридцати знаков, — и она смотрела на его пальцы. Тонкие, быстрые, с обкусанным заусенцем на большом. Эти пальцы две недели назад расставляли перед ней шахматы на старой доске, где вместо белого слона стояла пробка от вина. Эти пальцы...

Не думай, сказала она себе. Не сейчас.

Экран мигнул и открылся. Он перестал набирать пароль и начал набирать текст.

Вот он, момент. Ноутбук открыт. Ключи введены. Всё, что зашифровано, сейчас — не зашифровано. Через минуту он может закрыть крышку, и тогда три года её работы, и работа сорока человек в Москве, и семь недель в Петербурге — всё это превратится в кусок алюминия с мёртвым диском внутри. Рыков сказал это вчера четыре раза. «Главное — ноутбук, Даша. Открытым. Всё остальное неважно».

Она взялась за край шарфа.

И не потянула.

Он печатал. Сосредоточенно, быстро, чуть наклонив голову, как будто прислушивался к тому, что пишет. Иногда останавливался, смотрел в стену, шевелил губами — подбирал слово. Однажды поднял на неё глаза, улыбнулся коротко и снова опустил.

В кармане её пальто завибрировал телефон. Один раз. Она не достала его. Она и так знала, что там: одно сообщение, один знак. Вопросительный.

Рыков не любил ждать.

Она подумала о Косте. О том, как два года назад, в декабре, мама позвонила ей в шесть утра и сказала только «Костя», и больше ничего не могла сказать, и они молчали в трубку минуту, две, три. Она подумала о фотографии, которую ей прислали вчера: человек на снегу, между серыми камнями, лицом вниз, и тёмное пятно под ним. Она подумала о том, что сказал он, когда она спросила про этого человека: «я никого не убивал». И о том, что так говорят все. Все до единого. За двенадцать лет службы она не слышала ни одного «да, это я».

Телефон завибрировал снова.

Даша сняла шарф.

* * *

Сорок секунд — это много. Ей всегда казалось, что сорок секунд пролетают за одну. Оказалось — нет.

Она успела сложить шарф вдвое и положить себе на колени. Успела заметить, что женщина в шерстяной кофте опять подняла глаза. Успела увидеть, как он, не переставая печатать, посмотрел на шарф у неё на коленях — и понял. Она видела, как он понял. Его пальцы на мгновение замерли над клавиатурой, а потом застучали быстрее, гораздо быстрее, как будто он хотел успеть.

Дверь распахнулась.

Их было двое, потом трое. Первый, высокий, в чёрной куртке, — тот самый, от гардероба, — оказался у стола за три шага и схватил ноутбук двумя руками, снизу, как поднос с горячим.

— Крышку не закрывать! — крикнул он, хотя крышку никто и не собирался закрывать.

Второй взял Артёма за плечо и за руку, завернул руку за спину и прижал его лицом к столу. Зелёная лампа покачнулась. Шнур дёрнулся, и лампа упала набок, стеклянный абажур ударился о край стола и треснул с тонким, почти музыкальным звуком. Мандарин скатился на пол и покатился под соседний стол, к ногам женщины в кофте.

Кто-то вскрикнул. Кто-то вскочил. Смотрительница зала — маленькая, седая, в синем халате — бежала между столами и говорила неожиданно громким голосом:

— Вы что себе позволяете?! Здесь читальный зал! Здесь читальный зал!

— Полиция, — сказал третий. — Всем оставаться на местах.

Артём не сопротивлялся. Он лежал щекой на столе, и его рука была заломлена так, что, наверное, было очень больно, но он не издал ни звука. Он смотрел на неё. Снизу вверх, сбоку, одним глазом, потому что второй был прижат к столешнице. В этом взгляде не было ни злости, ни упрёка. Он смотрел так, как будто извинялся. Как будто это он устроил весь этот беспорядок — разбитую лампу, крик смотрительницы, рассыпанные книги — и теперь ему было неловко.

Высокий в чёрной куртке стоял с открытым ноутбуком в руках и держал его экраном к себе. Потом повернулся к ней.

— Майор, это то?

Она посмотрела на экран.

Там был открыт текстовый редактор. Белая страница. Несколько абзацев. Все слова — строчными буквами. Ни одной заглавной.

Первое слово было её имя.

Не «Аня». Не то имя, под которым она семь недель жила в комнате на Девятой линии, под которым её знали хозяин ночного книжного, таксист, читающий Пруста, и старик в ушанке с томом Брокгауза. Не то имя, которое он шептал ей в темноте.

Её настоящее имя.

даша

Она прочла первую строку — и не смогла читать дальше. Буквы расплывались. Она моргнула раз, другой, но высокий уже отвернулся, уже убирал открытый ноутбук в прозрачный пакет с застёжкой, уже говорил кому-то в рацию: «Изъято. Работает. Несём».

— Майор? — переспросил он через плечо. — Это то?

— Это то, — сказала Даша.

Её голос прозвучал нормально. Это было самое странное за весь день: голос был совершенно нормальный.

Артёма подняли со стола. На щеке у него осталась красная полоса от края столешницы. Он попытался откинуть волосы с глаз, но руки уже были в наручниках за спиной, и волосы так и остались висеть. Его повели к двери. Он не оборачивался. Только у самой двери, когда его на секунду придержали, чтобы пропустить смотрительницу, он повернул голову и посмотрел на пол, туда, где под соседним столом лежал мандарин.

Женщина в шерстяной кофте наклонилась, подняла мандарин и аккуратно положила на стол — на то место, где он лежал раньше. Как будто это тоже было вещественное доказательство. Как будто его тоже нужно было сохранить.

Потом дверь закрылась.

Даша сидела за столом. Перед ней лежала разбитая лампа, его очки на раскрытой книге и мандарин. Книга была — она прочла на корешке — «История шахматной композиции». Тридцать восемь пар глаз смотрели на неё. В кармане пальто вибрировал телефон, вибрировал и вибрировал, и она знала, что это Рыков, что сейчас он скажет «молодец, Дашенька», и что ей нужно встать, выйти, спуститься по лестнице, сесть в машину и сказать «спасибо».

Она взяла его очки и сложила их. Положила себе в карман. Это было нарушение — очки тоже следовало изъять. Она это знала.

Вчера на крыше он сказал ей: «приходи сама».

Она пришла не сама.

Он знал, что так и будет, и всё равно пришёл. Он пришёл не прятаться. Он пришёл в читальный зал, где горят зелёные лампы, чтобы дописать ей письмо.

Чем это письмо кончалось, она так и не узнала. Тогда — не узнала.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ной

Глава первая

Три года

Москва, 19 декабря 2024 года

Будильник зазвонил в пять сорок, и кот Пятница, который спал у неё в ногах, немедленно сделал вид, что его нет.

Даша полежала минуту в темноте. За окном девятого этажа было темно, как бывает в Перове только в декабре, — фонари внизу не светили, а только обозначали себя, жёлтыми точками в пустоте. Батарея под окном гудела. Пятница дышал ей в щиколотку.

Девятнадцатое декабря. Два года.

Она встала, не включая свет, натянула термобельё, старый спортивный костюм, шапку, повязала на шею серый шарф до самых глаз. На кухне выпила стакан воды. Насыпала Пятнице корм — он появился в дверях мгновенно, бесшумно, чёрно-белый, в своём вечном смокинге, и посмотрел на неё так, будто это он её разбудил, а не наоборот.

— Не смотри так, — сказала она. — Я вернусь через сорок минут.

Пятница не поверил. Он никогда не верил.

* * *

На улице было минус двенадцать. Снег скрипел под кроссовками сухо и громко, как пенопласт. Даша бежала по пустой Новогиреевской, мимо закрытых ларьков и спящих машин под белыми шапками, потом через дорогу — к парку Кусково.

Она бегала здесь каждое утро девятый год. Семь километров: вдоль Большого пруда, мимо усадьбы, по дальней аллее, где липы смыкались над головой, назад к пруду. Зимой парк был тёмный и пустой, только кое-где горели фонари, и в их свете снег казался синим. Дворец Шереметевых стоял на том берегу замёрзшего пруда, розовый днём и серый ночью, с белыми колоннами, похожий на торт, который забыли убрать в холодильник.

На первом километре она ни о чём не думала. Это было главное в беге — первый километр. Потом мысли всё равно приходили.

Два года назад, девятнадцатого декабря, мама позвонила ей в шесть утра. Даша как раз завязывала кроссовки в прихожей. Она взяла трубку и сказала «мам, я на пробежку, перезвоню», а мама сказала «Костя». И больше ничего. Они молчали минуту, две, три. Даша сидела на полу в прихожей, с одним завязанным шнурком и одним развязанным, и слушала, как мама дышит в трубку. Потом мама сказала: «Утром. Соседи нашли. В подъезде». И положила трубку.

Косте было двадцать пять. Он работал в Туле в автосервисе, играл на гитаре в группе, которая называлась «Сухой закон» и выступала два раза в год в кафе на Советской. Он был весёлый, лохматый, вечно в долгах и вечно с новой девушкой. Даша не видела его четыре месяца до того утра. Она всё собиралась приехать.

Вещество, которое нашли у него в крови, было синтетическое. В кармане куртки лежала пустая упаковка — маленький пакетик с застёжкой, такие продают в любом хозяйственном. В телефоне нашли переписку. Он купил это через «Пристань».

Даша узнала об этом через неделю. К тому моменту она одиннадцать месяцев вела дело «Ковчега».

На четвёртом километре, у дальнего конца пруда, она остановилась, оперлась руками о колени и долго стояла так, хватая ртом холодный воздух. Потом выпрямилась и побежала назад.

* * *

В отделе в половине девятого было ужелюдно и душно. Сухов сидел за своим столом в углу, у окна, в окружении трёх мониторов, и лулгал семечки из бумажного куллка. Шелуху он складывал в чашку с отбитой ручкой, на которой было написано «Лучший сотрудник месяца». Чашку ему подарили в шутку пять лет назад, и он ею гордился.

— Воронцова, — сказал он, не оборачиваясь. — Доброе утро. Семечки будешь?

— Не буду.

— Зря. В них магний.

Ваня Крюков, старший лейтенант, двадцать семь лет, румяный, как с мороза даже летом, сидел на краю стола и читал что-то в телефоне.

— Даш, видела? — Он поднял телефон экраном к ней. — Опять про «Гидру» пишут. Третья неделя пошла, а всё не успокоятся. Пожизненное. Организатору. Представляешь? Пожизненное.

— Видела.

— Нашему тоже дадут, — сказал Сухов, сплёвывая шелуху. — Когда поймает.

— Если поймает, — сказал Ваня.

— Когда, Ванюша. Когда. У нас Воронцова. Воронцова всех ловит.

Даша не ответила. Она прошла к своему столу, повесила пальто на спинку стула и села.

На её столе было чисто — она не выносила беспорядка. Компьютер, лампа, стакан с карандашами, папка. Толстая серая папка с наклейкой, на которой её почерком было написано одно слово:

НОЙ

Три года. Почти ровно три года — дело «Ковчега» ей передали в январе двадцать второго.

Тогда «Ковчег» был ещё маленький. Скрытая сеть, одна из многих, — но странная. Её создатель называл себя Ной, и в первом же письме, которое он разослал в апреле девятнадцатого, было сказано, для чего она. Для тех, кого ищут. Для журналистов и их источников. Для женщин, которые бегут от мужей. Для людей, которым нужно исчезнуть. «Тихая комната» — так Ной это называл. Там не было имён, адресов и лиц, а были люди, которые помогали: кто-то возил, кто-то пускал пожить, кто-то давал юридические советы. Даша читала переписку тихой комнаты — те её клочки, которые удавалось достать, — и иногда ей становилось не по себе. Это было похоже на подпольную железную дорогу, по которой когда-то вывозили беглых рабов. Только вывозили теперь женщин из Самары и Нальчика.

А потом, осенью двадцать первого, внутри «Ковчега» открылась «Пристань».

Рынок. Сначала маленький и стыдливый, с травой и подделанными справками. Потом — большой. Через год на «Пристани» было три тысячи витрин и двести тысяч покупателей, и продавали там всё, что продают в таких местах. «Ковчег» стали называть так, как называют его теперь в газетах: «ковчег, в который пустили всех зверей». А Ноя — «русским Ульбрихтом», хотя Ульбрихт, в отличие от Ноя, давно сидел.

Ноя никто не видел. Никто не знал, сколько ему лет, где он живёт и кто он. За три года Даша задержала двух курьеров «Пристани», одного модератора и одного продавца, который держал витрину из гаража в Подольске. Никто из них Ноя не знал. Один раз, весной двадцать третьего, ей показалось, что она его нашла: программист из Новосибирска, тридцать один год, совпадение по времени, совпадение по месту. Она приехала с группой в шесть утра. Программист открыл дверь в трусах, увидел автоматы и заплакал. Он оказался не тем. Совпадения оказались совпадениями. Рыков потом месяц разгребал жалобы и ни разу её не упрекнул.

С тех пор она не называла фамилий, пока не была уверена.

Даша открыла нижний ящик стола. Там, под старыми рапортами, лежали несколько листов, сколотых скрепкой. Распечатка. Первое письмо Ноя — то самое, апрельское, девятнадцатого года. Она распечатала его в первую неделю работы над делом и с тех пор перечитывала так часто, что знала наизусть.

это тихая комната

здесь нет имен, адресов и лиц — здесь никто не спросит, кто вы и откуда — сюда можно прийти, если вас ищут те, от кого нужно прятаться: муж, который находит вас в третьем городе подряд, начальник, который узнал, что вы написали правду, люди, которые считают, что знают, как вам жить

я не обещаю, что здесь вас никто не найдет — я обещаю, что сделаю для этого все, что умею

правил три — не причинять вреда — не выдавать других — не врать тем, кто пришел за помощью

впрочем, иногда человеку больше всего нужно, чтобы его нашли — тогда тоже пишите сюда — найдем

—и.

Под распечаткой лежал ещё один документ. Её собственный. Двенадцать страниц, которые в отделе называли «Дашин профиль», а она сама — «портрет».

За три года она прочла всё, что Ной написал в «Ковчеге» и что удалось достать. Объявления, правила, ответы на вопросы, споры на форуме, редкие и короткие личные сообщения, перехваченные у задержанных. Около сорока тысяч слов. Она прогнала их через программу, которую ей помог настроить Сухов, и составила частотный словарь — какие слова Ной любит, какие не употребляет никогда, как строит фразы, где ставит запятые. Получился портрет человека, которого она не видела.

Ной пишет только строчными буквами. Всегда. Даже имена, даже названия городов.

Ной ставит тире там, где другие ставят точку. В конце сообщения точки не ставит вообще.

Ной любит слово «впрочем». Сорок три раза на сорок тысяч слов — много для слова, которое в обычной переписке почти не встречается.

Ной подписывается «—н.». Тире, строчная буква, точка. Единственная точка, которую он себе позволяет.

И Ной никогда не пишет букву «ё». Ни разу. Ни в «ещё», ни в «всё», ни в «её». За шесть лет — ни одного раза.

Даша считала это самым важным. Люди, которые пишут без заглавных, встречаются часто. Люди, которые никогда не пишут «ё», — ещё чаще. Но человек, который за сорок тысяч слов ни разу не ошибся, ни разу не сбился, ни разу не поставил точку в конце и ни разу не написал заглавную букву, — это был человек с очень сильной привычкой. Или с очень сильной волей. Она так и не решила, что из двух.

— Воронцова, — сказал Сухов из своего угла. — Тебя Игорь Семёнович просил. Как придёшь.

* * *

Кабинет Рыкова был в конце коридора. Портрет на стене, флаг в углу, фикус на подоконнике, который Рыков поливал сам, из чайника, и не доверял никому. На столе — аккуратные стопки бумаг, настольная лампа с зелёным абажуром, очки на шнурке и перьевая ручка в открытом футляре.

Рыков сидел над её рапортом и правил его.

Он поднял голову, когда она вошла, снял очки — они повисли на шнурке у него на груди — и показал ей на стул. Ему было пятьдесят восемь. Седой ёжик, тяжёлые плечи, лицо, которое кажется сердитым, пока он не улыбнётся. Когда он улыбался, лицо собиралось в добрые морщины, и тогда становилось видно, что он, в сущности, похож на большого старого пса.

— Садись, Дашенька.

Она села. Он снова надел очки и вернулся к рапорту. Ручка двигалась по бумаге. Даша видела, что он делает: он ставил точки над «ё». В каждом «её», в каждом «ещё», в каждом «всё», где она их не поставила. Аккуратно, по две точки, синими чернилами.

— Ё, Воронцова, — сказал он, не поднимая головы, — это буква. А не украшение. Сколько раз говорить.

— Двенадцать лет говорите, Игорь Семёнович.

— И ещё двенадцать буду. — Он поставил последнюю пару точек, закрыл ручку колпачком и положил в футляр. — Мама твоя меня бы поддержала.

— Мама вас всегда поддерживает.

Ручка была старая, тяжёлая, «Паркер» с потёртым золотым пером. Даша знала её всю жизнь. Её отец подарил эту ручку Рыкову в девяносто шестом году, на тридцатилетие, — купил в Москве, на Тверской, за какие-то сумасшедшие для тульского опера деньги. Рыков тогда был ещё капитаном, и они с отцом были напарниками в тульском угрозыске. Она помнила, как отец заворачивал коробку в газету, потому что подарочной бумаги дома не нашлось.

Через тринадцать лет, в две тысячи девятом, отца застрелили при задержании в посёлке под Тулой. Рыков держал его голову у себя на коленях, пока ехала скорая. Скорая ехала сорок минут.

Через четыре года Рыков, уже подполковник и уже в Москве, взял Дашу к себе в отдел. Сказал: «Я Андрею обещал». И больше никогда об этом не говорил.

— Я помню, какое сегодня число, — сказал Рыков.

— Я знаю.

— Мама как?

— Не знаю. Позвоню вечером.

Он кивнул и некоторое время молчал. Потом взял со стола тонкую прозрачную папку и положил перед ней.

— Сухов кое-что вытащил. Посмотри.

В папке был один лист. Таблица, несколько строчек. Дата, время, адрес.

14.11.2024, 02:41. Идентификатор сессии — администратор «Ной». Подключение без анонимизации. Точка доступа — гостевая беспроводная сеть, владелец — ИП Ковалёв Б.Л., книжный магазин «Остров», Санкт-Петербург, В.О., Средний пр.

Даша прочла три раза. Потом подняла глаза.

— Он вышел в сеть открыто?

— Один раз. Четыре минуты. Видимо, торопился. С телефона, через гостевой вайфай книжного. Магазин круглосуточный. В два сорок ночи.

— Ной никогда не ошибается.

— Все ошибаются, Дашенька. Один раз. — Рыков снял очки и потёр переносицу. — Одного раза достаточно.

— Это было четырнадцатого ноября. Больше месяца назад. Почему мне только сейчас?

— Проверяли. Сухов проверял, я проверял. Не хотел тебя дёргать впустую. После Новосибирска, ты понимаешь. — Он сказал это мягко, но она всё равно почувствовала, как у неё горят уши. — Магазин маленький, в подвале. Ночью там сидит человек десять-пятнадцать. Постоянные. Он — один из них. Или был один раз и больше не придёт. Это я не знаю.

— Придёт, — сказала Даша. — Если он ходит в книжный в два часа ночи, он придёт.

— Вот и я так думаю.

Он откинулся на стуле и посмотрел на неё поверх очков.

— Поедешь сама. Под легендой. Месяц, два — сколько нужно. Я договорюсь с питерскими, но работать будешь одна, без их людей. Не хочу, чтобы кто-то спугнул. Связь со мной напрямую. Техника — через «Выходной», как обычно.

«Выходным» в отделе называли служебный узел, через который они три года заходили в «Ковчег» под чужими именами. Сухов настроил его в двадцать первом году, в воскресенье, — отсюда и название. У Даши там был свой профиль, «тамбовчанин», покупатель, который за три года ни разу ничего не купил, но очень много спрашивал.

— Легенда? — спросила она.

— Это я уже подумал. — Рыков улыбнулся, и лицо его собралось в морщины. — Ты же у нас недоучившийся архивист. Три курса Историко-архивного. Будешь реставратор бумаги. Приехала из Москвы, работаешь по частному заказу, книжки клеишь. В книжном по ночам сидишь, потому что днём мастерская, а ночью бессонница. Нормально?

— Нормально.

— Я тебе даже книжку достал. — Он открыл ящик стола и достал что-то, завернутое в старую газету. Развернул. Это был толстый том в разбитом кожаном переплёте, с отставшим корешком и бурыми пятнами на обреше. — «Вестник Европы». Тысяча восемьсот семьдесят четвёртый год. Знакомая в Ленинке отдала, на списание шла. Клей её там, сколько хочешь, всё равно не жилец.

Даша взяла том. Он был тяжёлый, пах пылью и чем-то сладковатым, старым. Когда-то, в другой жизни, она хотела заниматься именно этим. Сидеть в тихой комнате с зелёной лампой и возвращать к жизни бумагу, которую все считали мёртвой. Потом отца убили, и она ушла с третьего курса в полицию, и мама полгода с ней не разговаривала.

Легенда, подумала она, — это жизнь, которую ты не прожила. Её не надо придумывать. Её надо просто вспомнить.

— Поезжай сама, Дашенька, — сказал Рыков. — Это твоё дело. Три года — твоё. Ты его и закроешь.

* * *

Вечером она позвонила маме.

Мама ответила не сразу, после седьмого гудка. Голос был ровный, учительский, — так она разговаривала с родителями двоечников.

— Да, Даша.

— Мам. Привет. Как ты?

— Нормально.

— Ты была у него?

— Была. Убрала снег. Положила гвоздики. Две. Ему и отцу.

Даша закрыла глаза. Тульское кладбище, старое, на окраине, сосны и железные оградки. Отец и Костя лежали рядом. Мама выбрала так, когда хоронила Костю. Сказала: «Пусть хоть там будут вместе. При жизни отец его почти не видел».

— Мам, я не смогла. Меня в командировку отправляют. Завтра утром.

— Конечно.

— Надолго, наверное. Может, на месяц. Может, больше.

— Конечно, — повторила мама. — У тебя работа.

Она не сказала больше ничего, но Даша услышала всё, что мама не сказала. У тебя работа. У тебя всегда работа. Ты же у нас в полиции — что ж ты брата не уберегла? Мама произнесла это вслух только один раз, на поминках, когда выпила две рюмки. Потом извинилась. Но слова уже были сказаны, и забрать их назад было нельзя.

— Я позвоню, — сказала Даша.

— Позвони.

Мама положила трубку первой.

* * *

Ночью она не спала. Сидела на кухне с ноутбуком и в сотый раз читала Ноя.

Пятница лежал на подоконнике и смотрел, как падает снег. Снег падал медленно, крупными хлопьями, и в свете фонаря каждая снежинка была видна отдельно.

Она читала его ответы в тихой комнате. Короткие, точные. «здесь вы в безопасности — насколько это вообще возможно». «не пишите мне адрес — даже мне». «водитель будет в шесть — серая машина — он не будет с вами разговаривать, это нормально, он просто такой». Она читала его правила для «Пристани» — сухие, злые, написанные как будто сквозь зубы: «пристань не часть ковчега — пристань его пробоина». Странная фраза для человека, который этой пристанью владел. Она всегда её отмечала. И никогда не могла понять.

Она пыталась представить его. Сколько раз пыталась — не сосчитать. Мужчина. Скорее молодой — тридцать, тридцать пять. Образованный. Технар, но много читает. Одинок: ночные сообщения, даже в праздники. Особенно в праздники. Пишет без заглавных, потому что... почему? Потому что ему стыдно повышать голос даже на письме? Потому что так легче быть никем?

Она поймала себя на том, что думает о нём не как о преступнике. Не как о человеке, на чьей пристани брат купил свою смерть. А как о собеседнике. Как будто три года она вела с ним разговор, в котором говорил только он, а она только слушала. И теперь едет в Петербург, чтобы наконец что-нибудь сказать.

Это было неправильно. Она это знала. Она закрыла ноутбук.

Потом открыла снова — и нашла первое письмо. Последнюю строчку.

врочем, иногда человеку больше всего нужно, чтобы его нашли

Сапсан уходил в семь ноль ноль с Ленинградского вокзала. Чемодан стоял в прихожей. Ключи от квартиры и пакет корма для Пятницы лежали на тумбочке — утром отнести соседке, Зое Степановне, которая Пятницу обожала и кормила его, кажется, лучше, чем Даша.

Даша выключила свет и ещё долго сидела в темноте, глядя на снег.

Я тебя найду, подумала она. Это было не обещание и не угроза. Просто — факт.

Где-то в Петербурге, в эту самую минуту, человек, которого она искала три года, тоже не спал.

Глава вторая

Ковчег

Санкт-Петербург, ночь на 20 декабря 2024 года

На двери квартиры на Седьмой линии было три звонка.

Под каждым — табличка. Под верхним, белым и пластмассовым, — «Белых, 1 зв.». Под средним, без кнопки, с торчащими проводками, — «Гуревич, 2 зв.», выцветшими чернилами на картонке. Под нижним — латунная пластинка, которую кто-то когда-то заказал в мастерской и аккуратно прикрутил двумя шурупами: «Е. М. Мальцева, 3 зв.».

Работал только верхний. Гуревичи уехали в Хайфу в девяносто шестом. Комнату Мальцевой Артём выкупил у города в двадцатом, вместе с последней, четвёртой, где жил пьющий и тихий человек по фамилии Сомов, — Сомов умер в больнице на Васильевском, и после него осталась только коробка из-под обуви с медалями деда. Теперь вся квартира — двести лет назад барская, сто лет назад коммунальная — была его. Четыре комнаты, длинный коридор, кухня с двумя газовыми плитами, на одной из которых он ни разу ничего не готовил.

Табличку Мальцевой он так и не снял. Кто-то из соседей по лестнице однажды спросил: «А Мальцева — это кто? Я её ни разу не видел». Артём ответил: «Она тут жила». И не стал объяснять.

* * *

В десять минут третьего он сидел на кухне, на подоконнике, с ноутбуком на коленях, и чистил мандарин.

Он чистил мандарины одной спиралью — так, чтобы кожура снималась целиком, длинной оранжевой лентой. Этому его научила мама, когда ему было пять. Мама говорила, что если кожура не порвалась, можно загадать желание. Он загадывал. За двадцать девять лет он почистил столько мандаринов, что желаний хватило бы на небольшой город. Ни одно не сбылось, но это его не останавливало.

Кожура упала на подоконник ровной пружинкой. Он съел мандарин и открыл тихую комнату.

Там было четыре новых сообщения. Три — обычные: человек из Нальчика благодарил за адвоката, девушка из Перми спрашивала, можно ли взять с собой кошку (можно, ответил он, кошек мы перевозим, с собаками сложнее), волонтер из Пензы писал, что в квартире на Московской освободилась комната. Четвёртое было от «совы».

он опять нашел

новый адрес — тольятти — я была уверена, что никто не знает — даже мама не знает — он вчера стоял под окном — просто стоял и смотрел — потом уехал

я не понимаю как — я сделала все, как вы говорили

простите что опять — мне некому больше

Артём перечитал дважды. Потом снял очки, положил их на подоконник рядом с мандариновой кожурой и долго смотрел в тёмный двор-колодец, на жёлтое окно напротив, в котором кто-то тоже не спал.

«Сова» пришла в тихую комнату в октябре. Самара, тридцать четыре года, двое детей, муж — владелец сети автомоек и друг половины городской администрации. Он находил её всегда. В Самаре, у мамы в Сызрани, у подруги в Новокуйбышевске. Он не бил её при свидетелях. Он вообще редко бил. Он просто приезжал, вставал под окном и смотрел. Или звонил в дверь и стоял за ней, пока она не открывала. Полиция, к которой она ходила трижды, объясняла ей, что стоять под окном не запрещено законом.

В ночь на четырнадцатое ноября он ломал дверь.

Артём надел очки и начал писать.

*сова — я здесь — не извиняйтесь, для этого комната и есть
он нашел вас не потому, что вы что-то сделали неправильно — такие люди находят
не потому, что вы ошиблись, а потому, что у них много времени и много друзей — это не
ваша вина*

*завтра в восемь вам напишет марина — она юрист — она знает, что делать с тем,
кто стоит под окном — это не так безнадежно, как вам говорили в полиции*

*послезавтра — если захотите — можно уехать дальше — есть место, где он не будет
искать, потому что ему не придет в голову — водитель будет на серой машине — он не будет
с вами разговаривать — это нормально, он просто такой*

детей и кошку — берите

впрочем, у вас нет кошки — тогда просто детей

—и.

Он отправил. Через минуту пришёл ответ — одно слово, без точки, как он её научил:
спасибо

Он закрыл тихую комнату и некоторое время сидел неподвижно.

У «Ковчега» были люди. В этом было всё дело. Не программы, не шифры, не серверы — это было просто, это мог бы сделать любой толковый студент его кафедры. А люди. Водители, которые возили и не задавали вопросов. Женщина в Пензе, которая пускала пожить. Юристка Марина из Екатеринбурга, которая отвечала на письма по ночам после смены в арбитражном суде. Отставной военврач в Твери. Монахиня — да, настоящая монахиня — в монастыре под Псковом. Тридцать восемь человек, которых он ни разу в жизни не видел и которые ни разу не видели его. Они знали его как «н.». Он знал их по маленьким буквам.

Всё это начиналось из-за третьего звонка.

* * *

Елена Михайловна Мальцева, тётя Лена, работала с мамой в школьной библиотеке на Девятой линии. Она поселилась в их коммуналке в девяносто четвёртом году, с одной сумкой, в октябре, в тонком плаще, и с синяком на скуле, который замазала маминой пудрой. Ей было тридцать три. Артёму — четыре.

Он помнил её всю жизнь. Тётя Лена учила его читать по «Карлсону». Тётя Лена вязала ему шарфы — полосатые, длинные, на вырост. Тётя Лена сидела с ним, когда мама работала в две смены. Когда отец ушёл — Артёму тогда было семь, — именно тётя Лена сказала ему, что это не потому, что он плохо себя вёл, а потому, что взрослые иногда уходят, и это их вина, а не его. Он ей поверил. Он верил ей до сих пор.

Её бывший муж, капитан милиции из Пскова, нашёл её в девяносто шестом. Приехал, позвонил три раза — в её звонок. Мама не открыла. Он стоял за дверью два часа. Потом уехал. Потом приезжал ещё — раз в год, раз в два года. Звонил в третий звонок. Стоял. Уезжал.

В феврале восемнадцатого года тётя Лена решила, что хватит, и уехала в Лугу, к троюродной сестре. Никому не сказала адрес. Сменила номер. Удалила все страницы в соцсетях. Артём помогал ей — он тогда уже работал в банке, в отделе информационной безопасности, и думал, что знает, как сделать человека невидимым.

Бывший муж нашёл её через четыре месяца. В июне восемнадцатого. Ему тогда было пятьдесят девять, он был уже майор и уже на пенсии, но друзья в органах у него остались. Он приехал в Лугу в субботу днём, когда сестра была на работе.

Тётя Лена три недели лежала в реанимации. Потом полгода — в неврологии. Потом заново училась ходить и говорить. Ходить — с тростью — научилась. Говорить — медленно, подбирая каждое слово, как будто доставая его из глубокого колодца, — тоже. Уголовное дело завели через полгода и закрыли через год: недостаточно доказательств, свидетелей нет, потер-

певшая не может уверенно описать события. Бывший муж, говорили, разводит пчёл где-то под Лугой.

Мама умерла в декабре того же года. Рак, который заметили слишком поздно, потому что мама весь год ездила по больницам к тёте Лене и забывала про себя.

Артём уволился из банка в январе девятнадцатого. Тётю Лену устроил в пансионат в Пушкине — хороший, частный, за который платил сам. И начал строить «Ковчег».

Он открыл его первого апреля. Первые сутки все, кто нашёл, думали, что это шутка.

* * *

Вадим появился в «Ковчеге» почти сразу.

Они учились вместе в ИТМО с семнадцати лет — Артём, тихий, в растянутом свитере, с шахматной доской в рюкзаке, и Вадим, громкий, весёлый, с дорогим телефоном и вечной девушкой на заднем сиденье чужой машины. Их посадили рядом на первой паре по дискретной математике, и Вадим сразу списал у него контрольную, а потом угостил пивом, и они проговорили до утра на скамейке у Кронверка. Семнадцать лет Вадим был его лучшим другом. Иногда Артёму казалось, что единственным.

Вадим понимал в деньгах. Артём — нет. «Ковчегу» нужны были серверы, серверам нужны были деньги, а денег у тихой комнаты не было — люди, которые бегут от мужей, не платят взносов. Вадим нашёл деньги. Пожертвования, какие-то фонды, какие-то знакомые. Вадим стал вторым человеком «Ковчеха». «Харон», — назвал он себя, смеясь. Перевозчик.

Артём сам придумал правило ключей. Главный ключ от «Ковчеха» — тот, которым можно закрыть любой его раздел, изменить любое правило, — он разделил на две половины. Одну оставил себе, другую отдал Вадиму. «Никто один не должен иметь власть над ковчегом, — сказал он тогда. — Даже я». Вадим смеялся: «Ты как с ядерным чемоданчиком». Но согласился.

И ещё один ключ Артём отдал Вадиму. Запасной — от своего собственного аккаунта, от «Ноя». «Если со мной что-нибудь случится, — сказал он, — ну, мало ли. Чтобы комната не закрылась. Чтобы кто-то мог отвечать людям». Вадим посерьёзnel и сказал: «Тём. С тобой ничего не случится». И спрятал ключ.

Осенью двадцать первого серверы стали дорожать, а пожертвования кончились. Вадим приехал в Петербург, сел у него на кухне, на той самой кухне с двумя плитами, и сказал: «Есть вариант». Вариант назывался «Пристань». Маленький рынок внутри «Ковчеха». Только трава. Только поддельные справки для тех, кому они нужны, — для тех же беглых женщин, например. Только пока. Только чтобы платить за серверы. «Иначе через три месяца твоя комната закроется, Тёма. Ты этого хочешь?»

Артём не хотел.

Он сказал: «Ладно».

Это было самое дорогое слово в его жизни. Он понял это потом. Тогда — не понял.

Через год на «Пристани» было три тысячи витрин. Через два — три с половиной. Там давно продавали не только траву. Там продавали то, от чего умирали в подъездах. Вадим перестал приезжать в Петербург, купил квартиру в Москве, в новом доме с консьержем, и на все разговоры отвечал одно: «Тём, это бизнес. Это уже не остановить. Ты же сам понимаешь».

Летом двадцать третьего Артём приехал к нему в Москву. Они стояли на балконе двадцать восьмого этажа, внизу шумело Третье кольцо, и Артём сказал: «Я закрываю пристань. Дай свою половину ключа».

Вадим не дал.

Он сказал: «Ты не понимаешь, Тёма. Это уже не мои деньги. И не твои. Нас крышуют. Нас никто не тронет, пока мы платим. А если перестанем — тронут. И тебя, и меня. И твою комнату».

«Кто?»

«Тебе лучше не знать».

Артём уехал в тот же вечер. Он перестал брать свою долю — всю, до копейки. Деньги, которые у него оставались с прежних лет, он отдал на тихую комнату, на водителей, на квартиру в Пензе, на пансионат тёти Лены. Устроился в маленький Музей книжной графики на Васильевском — отвечать за цифровой архив и за всё, что включается в розетку. Зарплата — сорок две тысячи. Ему хватало.

И ещё кое-что он тогда сделал. Тихо, никому не сказав, даже Вадиму. Особенно Вадиму. Это было на самый крайний случай — как огнетушитель за стеклом, на котором написано «Разбить при пожаре».

Он ни разу его не разбивал.

* * *

Сообщение от Лыкова пришло в без десяти двенадцать. Артём перечитал его, наверное, сорок раз. Оно было коротким.

я знаю кто ты. белых артем викторович, 7 линия. хочешь чтоб я молчал — 50 тысяч долларов до нового года. иначе солью твоим друзьям из полиции. не шучу

Лыков был модератором «Пристани». Мелкий, суетливый, вечно в долгах, из какого-то маленького карельского города. Артём ни разу с ним не разговаривал. Лыков работал на Вадима.

Его имени — настоящего имени — в «Ковчеге» не знал никто. Ни один из тридцати восьми. Ни один из тысяч, кто приходил в тихую комнату. Ни один из двухсот тысяч, кто покупал на «Пристани». Его имя знал только Вадим.

В половине третьего, после «совы», после мандарина, он набрал Вадима. Защищённая связь, старый способ, которым они пользовались уже пять лет. Вадим ответил после шестого гудка — хриплым, сонным голосом.

— Тём. Ты время видел?

— Лыков знает моё имя.

Пауза.

— Какой Лыков?

— Твой модератор. Гоша. Он знает моё имя, мою улицу и мою линию. Он хочет пятьдесят тысяч до Нового года.

Пауза была длиннее. Где-то в Москве, на двадцать восьмом этаже, Вадим, наверное, сел в кровати.

— Слушай. Понятия не имею. Честно. Может, ты сам где-то наследил?

— Я нигде не следил.

— Все где-нибудь следят, Тёма.

— Моё имя знаешь только ты.

— Тёма. — Голос у Вадима стал мягкий, обиженный. — Я тебя семнадцать лет знаю. Я тебя ни разу не сдал. С чего бы мне сейчас?

Артём помолчал.

— В ноябре я сказал тебе, что закрою пристань.

— Ты это каждый год говоришь.

— В этот раз по-другому. Я всё расскажу. Сам. Про пристань, про деньги, про тех, кто вас крышует, — всё, что знаю. И сдамся.

На том конце стало очень тихо. Так тихо, что Артём слышал, как гудит у Вадима холодильник.

— Тёма, — сказал Вадим наконец. — Не делай глупостей. Пожалуйста. Я разберусь с Лыковым. Я тебе обещаю. Ложись спать.

Он отключился первым.

* * *

Артём не лёг.

Он сидел на подоконнике и думал о ноябре.

Четырнадцатого ноября, в половине третьего ночи, «сова» написала в тихую комнату три слова: «он ломает дверь». Артём увидел это на телефоне — и в ту же секунду понял, что дома нет интернета. Провайдер второй день менял кабель во дворе, и у половины дома всё отключилось. Он не мог ответить ей так, как отвечал всегда, — со всеми предосторожностями, через все свои слои защиты, через всё, что делало его невидимым. На это нужен был ноутбук, нужна была сеть.

Он мог подождать до утра.

Он натянул парку прямо на домашнюю футболку, сунул ноги в ботинки без носков и побежал на Средний, в «Остров». Круглосуточный книжный в подвале, через два квартала, где он сидел почти каждую ночь последние пять лет, потому что ночью в «Острове» было тихо и пахло старыми книгами, а Боря, хозяин, наливал чай и ничего не спрашивал. Боря спал в подсобке. Артём сел за длинный стол, достал телефон, подключился к гостевой сети книжного — пароль висел на стене, написанный фломастером на картонке, «ostrov1997», — и вошёл в «Ковчег». С телефона. Напрямую. Без ничего.

Он знал, что это ошибка. Он подумал: один раз.

Он пробыл в сети четыре минуты. Телефон Марины. Адрес места, куда можно было бежать прямо сейчас, ночью. Номер водителя, который жил в двадцати минутах от неё.

«Сова» ответила через минуту: «спасибо. я в машине».

Он вышел из сети, посидел ещё немного, выпил Бориного остывшего чая из чайника и пошёл домой. Без носков. Было минус пять.

Он думал тогда, что никто не заметил. Он и сейчас так думал. Почти.

* * *

В четыре часа он начал писать ответ Лыкову.

Он написал — и стёр. Написал снова, другими словами, — и снова стёр. Потом долго сидел над пустым полем, в котором мигал курсор, и смотрел на этот курсор, как смотрят на маятник.

Он думал о тёте Лене, которая учила его читать. О маме, которая говорила, что если кожа не порвалась — можно загадать. О Вадиме, который семнадцать лет назад угостил его пивом на скамейке у Кронверка. О человеке, который стоял под окном у «совы» и просто смотрел.

В четыре сорок одну он написал ответ в третий раз и отправил.

Потом закрыл ноутбук и долго сидел, глядя на него. Ничего не происходило. За окном начало светлеть — нет, не начало, это было рано для декабря, это просто в окне напротив кто-то включил свет на кухне. Чайник. Кто-то собирался на работу. Первая смена.

В пять он надел парку, шарф — полосатый, длинный, на вырост, хотя расти ему давно было некуда, — и вышел на улицу.

На Среднем было пусто и бело. Снег шёл весь вечер и лежал нетронутый, и за Артёмом тянулась единственная цепочка следов — от его подъезда до спуска в подвал под вывеской, на которой синими буквами было написано «Остров» и чуть мельче — «24 часа».

Боря, лохматый, в свитере с оленями, в очках на лбу, сидел за прилавком и что-то клеил. Он поднял глаза, кивнул и молча включил чайник.

В подвале было тепло. В дальнем кресле дремал старик в ушанке, обняв, как ребёнка, том Брокгауза и Ефрона. За маленькими окнами под потолком, на уровне тротуара, иногда проходили чьи-то ноги.

Артём сел за длинный стол. Боря поставил перед ним чашку.

— Тём, — сказал Боря. — Ты бы поспал.

— Посплю.

— Врёшь.

— Вру, — согласился Артём и обнял чашку обеими руками.

Чай был горячий и очень сладкий. Боря всегда клал три ложки, не спрашивая. Он считал, что ночью человеку нужен сахар, а вопросы ему не нужны.

Глава третья

Ночная лавка

Санкт-Петербург, 20 декабря 2024 года — 1 января 2025 года

Квартира на Девятой линии оказалась маленькой, тёмной и честной. Одна комната, окно во двор-колодец, газовая колонка на кухне, которая при каждом включении взрывалась с таким звуком, будто кто-то хлопал дверью в соседнем подъезде. Над кроватью висела репродукция «Девятого вала» в пластиковой раме. Хозяйку квартиры, вдову капитана второго ранга, нашли через питерских знакомых Рыкова. Она взяла деньги за два месяца вперёд, показала, как включать колонку, и сказала: «Только не курите. Капитан не курил».

Даша не курила.

Она разложила на столе у окна свою мастерскую. «Вестник Европы» в разбитом переплёте. Японская реставрационная бумага, тонкая, как крыло стрекозы. Пшеничный клей в баночке. Кисти, скальпель, пинцет, костяная гладилка, пачка промокательной бумаги. Всё это она купила в Москве, в магазине для реставраторов на Покровке, и продавщица, пожилая женщина с руками в старых ожогах от горячего воска, долго смотрела, как Даша выбирает кисти, и сказала: «Вы раньше этим занимались. Видно по тому, как берёте». Даша ответила: «Давно». Это была правда.

Вечером она пришла в «Остров» в первый раз.

* * *

Подвал был длинный, низкий, со сводчатым потолком, выкрашенным в белое, и книги в нём стояли везде: на полках до потолка, в стопках на полу, на подоконниках крошечных окон под самым сводом, за которыми видны были только ноги прохожих. Пахло старой бумагой, чаем и немного — сыростью, которую не мог победить ни один обогреватель. Посередине стоял длинный деревянный стол, исцарапанный, в чернильных пятнах, — Даша подумала, что ему лет сто, и, наверное, не ошиблась. Вокруг стола — разномастные стулья. В углах — три продавленных кресла. На стене у прилавка висела картонка с паролем от вайфая, написанным синим фломастером: «ostrov1997».

Она долго смотрела на эту картонку.

Хозяин сидел за прилавком. Лет шестидесяти, большой, лохматый, с бородой, в которой застряли крошки, в свитере с оленями и очках, сдвинутых на лоб. Когда она вошла, он поднял голову и посмотрел на неё внимательно и коротко — так смотрят люди, которые за много лет научились за секунду понимать, кто пришёл: покупатель, любопытный или человек, которому некуда идти ночью.

— Добрый вечер, — сказала Даша. — Вы правда круглосуточно?

— Правда. Уже двадцать семь лет. Борис. Можно Боря. Чаю?

— Если можно.

— Нужно. — Он включил чайник. — Сахар?

— Без сахара.

— Это вам так кажется, — сказал Боря и положил три ложки.

* * *

Через неделю она знала их всех.

Она приходила к одиннадцати вечера и уходила в шесть утра. Садилась за длинный стол, всегда спиной к стене и лицом к двери, раскладывала перед собой разбитый том, кисти и баночку клея и работала. Работала по-настоящему: снимала старый корешок, промывала

листы, подклеивала надрывы японской бумагой. Руки помнили. Это было неожиданно и почти больно — руки помнили всё, что голова за пятнадцать лет забыла.

А глаза в это время работали на службу.

Ночью в «Остров» приходили одни и те же люди. Она записывала их в блокнот — маленький, в клетку, в чёрной обложке, такой, какой носят студенты. Записывала мелким почерком, сокращениями, которые поняла бы только она.

1. Гена. Таксист, 55+. Пруст, «Под сенью девушек в цвету». Приходит после смены, 01:00–03:30. Читает вслух шёпотом, шевелит губами. Телефон кнопочный.

2. Старик в ушанке. Не снимает ушанку. Брокгауз и Ефрон, том на «П». 23:00–06:00. В основном спит. Боря зовёт его «профессор».

3–4. Две студентки, Академия художеств. Рисуют полки и людей. Меня рисовали. Планшеты, телефоны.

5. Мужчина 40, в костюме, без книги. Сидит час, смотрит в стену, уходит. Плакал.

6. Парень 25, ноутбук, наушники. Программист? Сидит 00:00–02:00. Проверить.

И так далее. Одиннадцать человек. Ещё несколько случайных, которые приходили один раз и больше не появлялись.

Двадцать второго, под утро, в пять с чем-то, пришёл ещё один. Высокий, худой, сутулый, в зелёной парке, явно не по сезону лёгкой, и в длинном полосатом шарфе, намотанном в несколько оборотов. Тёмные волосы падали ему на глаза. Боря кивнул ему как старому знакомому и молча включил чайник. Человек сел в дальнем конце стола, достал из кармана мандарин и почистил его одной длинной спиралью, не разорвав кожуру. Потом взял с полки какую-то книгу и читал, пока за окнами под потолком не стало серо.

Даша записала:

7. «Тёма» (так зовёт Боря). 30–35. Парка, полосатый шарф. Мандарины. Приходит поздно, 04:00–06:00? Без ноутбука. Телефон не доставал.

Она смотрела на него из-под ресниц, пока подклеивала надрыв на сорок седьмой странице. Он ни разу не поднял головы.

* * *

Двадцать четвёртого вечером позвонил Рыков.

— Ну как ты там, Дашенька? Не замёрзла?

— Не замёрзла. Одиннадцать постоянных. Трое с ноутбуками. Двое похожи на технарей.

Пока никого.

— Не торопись. — В трубке что-то звякнуло, наверное, ложка о чашку. Рыков пил чай с лимоном по вечерам, всегда, сколько она его знала. — Не торопись, слышишь? Он никуда не денется. Если он туда ходит — придёт. Ты ему главное не мешай.

— Я ему не мешаю. Я клею книжку.

— Вот и клей.

* * *

В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое она пошла к полке с русской классикой.

Она устала. Глаза болели от мелкого шрифта «Вестника Европы» — она уже дошла до романа с продолжением, который никто не читал полтора года, — и ей захотелось почистить что-нибудь настоящее. Полка с классикой стояла в глубине подвала, в нише между двумя колоннами, и там было почти темно. Даша провела пальцем по корешкам. Достоевский, много. Толстой, ещё больше. Тургенев. Набоков — синий корешок, старое издание, «Защита Лужина».

Она потянула книгу на себя — и почувствовала, что с другой стороны её кто-то держит.

Полка была двусторонняя. С той стороны стоял человек в зелёной парке и тоже держал «Защиту Лужина» — за другой край. Сквозь щель между книгами она увидела тёмный глаз, очки и прядь волос.

Они оба замерли.

— Добрый вечер, — сказал глаз.

— Доброй ночи, — поправила Даша.

— Да, вы правы. Ночи. — Он не отпускал книгу. — Это единственный экземпляр. Я проверял.

— Я тоже проверяла.

— Тогда у нас проблема.

Он вышел из-за полки. Он был выше, чем казался, когда сидел, — выше её, а она была высокая. Сутулился, как все высокие люди, которые в детстве стеснялись роста. Мандарином от него не пахло — пахло морозом и немного табаком, хотя сам он, наверное, не курил: это был чужой табак, табак улицы.

— Берите, — сказал он и отпустил книгу. — Я её читал три раза. Она плохо кончается.

— Я знаю, чем она кончается.

— Тогда зачем?

Даша подумала.

— Чтобы проверить, не изменилось ли.

Он засмеялся. Смех у него был тихий, неожиданный, как будто он сам не ожидал, что засмеётся.

— Это очень правильный ответ. Это самый правильный ответ, который я слышал за этот год. Я — Тёма.

— Аня.

Это было первое, что она ему соврала. Потом она часто думала, что в ту ночь эта ложь была единственной.

* * *

Они сели за длинный стол. Не рядом — напротив. Она — на своё место, спиной к стене, лицом к двери. Он — напротив, лицом к ней и спиной ко всему подвалу, чего, как она заметила, не делал за эти дни ни разу.

— Что вы клеите? — спросил он, кивнув на разобранный том.

— «Вестник Европы». Семьдесят четвёртый год.

— Тысяча девятьсот семьдесят четвёртый?

— Восемьсот.

— А. — Он посмотрел на книгу с уважением. — Это много. Это старше всех, кто сейчас в этом подвале. Кроме, может быть, профессора. — Он показал глазами на старика в ушанке, который спал в своём кресле, обняв Брокгауза.

— Профессор младше. Я спрашивала у Бори.

— Вы спрашивали у Бори, сколько лет профессору?

— Мне было интересно.

— Вам всё интересно, — сказал он. Не вопросом. — Вы на всех смотрите. Я заметил.

У неё внутри что-то коротко и неприятно ёкнуло. Она не изменилась в лице. Она двенадцать лет училась не меняться в лице.

— Я реставратор, — сказала она. — Нас учат смотреть. На бумагу, на людей. Бумага и люди рвутся в одних и тех же местах — по сгибам.

Он замолчал и смотрел на неё так долго, что она почти отвела глаза.

— Это вы сейчас придумали? — спросил он наконец.

— Это мне сказала преподавательница. На втором курсе.

— Можно я это украду?

— Крадите.

Он достал из кармана парки мандарин. Положил его на стол между ними, посмотрел на него, потом на неё.

— Будете?

— Буду.

Он начал чистить. Медленно, сосредоточенно, одной длинной спиралью, двумя руками — большими пальцами подцеплял кожуру и вёл её по кругу, как будто разматывал клубок. Она смотрела на его руки. Потом — по привычке, не думая, — на часы.

Было двенадцать минут четвёртого.

Кожура упала на стол ровной оранжевой пружинкой. Он разломил мандарин пополам и протянул ей половину.

— Если кожура не порвалась, — сказал он, — можно загадать желание. Так говорила моя мама.

— И вы загадали?

— Я каждый раз загадываю.

— Сбывается?

— Ни разу, — сказал он весело. — Но я не теряю надежды. Впрочем, это вы тоже знали.

Позже, вернувшись под утро на Девятую линию, она записала в блокнот:

27.12. 02:50 — Т. пришёл. «Защита Лужина» (одна на двоих, уступил мне). Сел напротив, спиной к залу — впервые. 03:12–03:15 — чистит мандарин, спиралью, двумя руками. Телефон в кармане парки, не доставал с 02:50. Ноутбука нет. Говорит «впрочем». Наблюдательный. Заметил, что я смотрю на всех. — Сисадмин в музее (каком?). Ушёл 04:20, проводил до угла 9-й линии.

Перечитала. Подчеркнула «заметил». Подумала и подчеркнула ещё раз.

Потом зачеркнула «впрочем» и написала сверху: «нормальное слово».

Потом стёрла бы и это, если бы писала карандашом. Но она писала ручкой.

* * *

Он проводил её до угла Девятой линии. Шёл рядом, держа руки в карманах парки, и рассказывал про свой музей. Музей книжной графики, маленький, на Пятой линии, на втором этаже бывшего доходного дома. Три зала, гравюры, экслибрисы, детские книжки двадцатых годов, которые рисовали художники, впоследствии расстрелянные или уехавшие. Он отвечал там за цифровой архив.

— И за всё, что включается в розетку, — сказал он. — Принтер, сканер, чайник директора. Чайник директора — самая ответственная часть.

— Значит, вы программист.

— Я сисадмин. Это как программист, только без самоуважения.

— А до музея?

— До музея я был моложе, — сказал он и улыбнулся так, что стало понятно: больше он не скажет.

Она тоже не сказала. Она рассказывала про реставрацию — и ни разу не соврала, потому что рассказывала про то, чему её учили пятнадцать лет назад. Про то, что бумага бывает тряпичная и древесная, и что тряпичная живёт веками, а древесная желтеет и крошится через полвека, потому что в ней кислота. Про то, что старые книги нельзя хранить у батареи. Про то, что пятна от пальцев на страницах — самое трудное, их почти невозможно убрать, люди оставляют на книгах себя навсегда.

— Это хорошо или плохо? — спросил он.

— Не знаю. Для книги — плохо. Для людей — наверное, хорошо.

У угла Девятой линии он остановился.

— Дальше не провожаю, — сказал он. — Вы не хотите, чтобы я знал, где вы живёте. Это правильно. Ночью — правильно.

— Откуда вы знаете, что я не хочу?

— Вы три раза посмотрели назад, пока мы шли. Не на меня — назад. — Он сказал это легко, без нажима, и снова улыбнулся. — Спокойной ночи, Аня. То есть доброго утра.

Он ушёл по Среднему, сутулясь, в своей слишком лёгкой парке, и полосатый шарф болтался у него за спиной, как хвост воздушного змея.

Она стояла на углу и смотрела ему вслед, пока он не скрылся. Она действительно трижды оглянулась, пока они шли. Это была привычка — проверить, нет ли хвоста. Двенадцать лет привычки. Никто никогда не замечал.

* * *

До Нового года они виделись каждую ночь.

Он приходил теперь не в пять, а в два. Садился напротив. Иногда они разговаривали до утра, иногда молчали — он читал, она клеила. Однажды он заснул прямо за столом, положив голову на руки, и она полчаса смотрела, как он спит, и ненавидела себя за то, что смотрит не так, как следует смотреть на объект наблюдения.

Тридцать первого декабря Боря устроил праздник.

Это была, как выяснилось, традиция — двадцать семь лет подряд. Ёлка, маленькая, живая, стояла в ведре с песком у прилавка и была увешана старыми игрушками: стеклянные шишки, ватный Дед Мороз, космонавт с отбитой рукой. Гирлянда мигала через раз. На длинном столе — шампанское в бумажных стаканчиках, оливье в кастрюле, которое Боря делал сам, и мандарины. Мандарины принёс Тёма. Целую сетку.

Пришли все. Гена-таксист в свитере с ёлками. Студентки Академии — одна с зелёными волосами, другая с розовыми. Мужчина в костюме, который плакал, — он не плакал, он принёс торт и смущённо поставил его на край стола. Профессор проснулся ровно в одиннадцать вечера, снял ушанку — впервые на Дашиной памяти — и оказался совершенно лысым.

В половине двенадцатого Гена встал, откашлялся и начал читать вслух Пруста. Торжественно, медленно, с выражением, как читают на школьном утреннике. Про то, как герой ждёт материнского поцелуя перед сном. Читал он плохо и волшебю. Все слушали. Даже студентки отложили планшеты.

Даша посмотрела на Тёму. Он слушал, подперев голову рукой, и в его лице было что-то такое — детское, незащитное, — что ей пришлось отвернуться.

Куранты включили на чьём-то телефоне. Чокнулись бумажными стаканчиками. Боря поцеловал всех женщин в щёку, включая профессора, который был мужчина, — по ошибке, потом долго извинялся.

— Пойдёмте на Стрелку, — сказал Тёма. — Там будет салют.

* * *

Они шли по Университетской набережной. Было минус девять, и лёд на Неве лежал белый, неровный, с тёмными трещинами. Над рекой висела дымка. На той стороне горел огнями Зимний, на этой — тянулась жёлтая стена Двенадцати коллегий, и сфинксы у Академии художеств лежали на своих постаментах, засыпанные снегом, похожие на двух огромных котов, которые забыли, что они египетские.

На Стрелке было много людей — шумных, весёлых, с бенгальскими огнями и бутылками. Ростральные колонны горели факелами. Тёма нашёл место у самого гранитного парапета, где было чуть меньше народу.

Салют начался внезапно, с глухого удара, — над Петропавловкой раскрылся первый огромный цветок, золотой, и рассыпался искрами, и искры отразились во льду, мутно, как в старом зеркале. Потом второй, красный. Потом сразу много.

Даша не смотрела на салют. Она смотрела на его лицо, освещённое то золотым, то красным, то зелёным.

Он почувствовал. Повернулся. Посмотрел на неё.

Потом взял её руку. Она была в перчатке, его — без. Он просто взял её руку в перчатке своей голой холодной рукой и держал. И ничего не сказал.

Она поняла, что он хочет её поцеловать. И поняла, что он не станет. И была ему за это благодарна.

И немного — нет.

* * *

Вернувшись в «Остров» под утро, она заметила то, на что раньше не обращала внимания. Боря, проводив последних гостей, сидел за прилавком и что-то писал в толстой тетради в коленкоровой обложке. Тетрадь заказов: покупатели заказывали книги, которых не было, а Боря их доставал.

— Тём, — крикнул Боря через весь подвал. — Твой «Дар» английский пришёл? Нет, не пришёл. Я тебя на десятое записал. На Белых, как обычно.

— Спасибо, Борь.

На Белых. Как обычно.

* * *

Первого января она проснулась в два часа дня от того, что взорвалась газовая колонка. Это вдова капитана второго ранга пришла поздравить квартирантку с Новым годом и решила заодно проверить, всё ли работает.

Когда вдова ушла, Даша достала служебный ноутбук, который до сих пор ни разу не открывала в этой квартире. Подключилась к защищённому каналу. Ввела запрос.

Фамилия: Белых. Имя: Артём. Петербург, Васильевский остров. Возраст — тридцать — тридцать пять.

Ответ пришёл через четыре минуты.

Белых Артём Викторович, 14.03.1990 г.р., уроженец г. Ленинграда. Зарегистрирован: Санкт-Петербург, В.О., 7-я линия. Образование: Национальный исследовательский университет ИТМО, 2007–2012 гг., специальность «Информационная безопасность». 2012–2019 гг. — ведущий специалист отдела информационной безопасности ПАО «...». С 2019 г. — ГБУК «Музей книжной графики», инженер. Не женат. Не судим. Транспортных средств не имеет.

Информационная безопасность.

Седьмая линия. Через два квартала от «Острова».

С девятнадцатого года — музей. С апреля девятнадцатого — «Ковчег».

Даша закрыла ноутбук.

Она долго сидела в темноте, хотя было ещё не темно — было три часа дня, просто в этот двор-колодец свет не доходил никогда. Над кроватью тяжело катился «Девятый вал». В окне напротив кто-то снимал с ёлки игрушки, хотя был ещё только первый день года.

Совпадение, сказала она себе. В Петербурге тысячи айтишников. Сотни из них не спят по ночам. Десятки ходят в книжные. Новосибирск тоже был совпадением.

Она достала блокнот и открыла страницу, где было написано «7. Тёма». Подумала. Взяла ручку и дописала одно слово.

Белых.

Потом закрыла блокнот и положила его на дно чемодана, под свитера. Как будто там его было не видно.

Глава четвёртая

Впрочем

Санкт-Петербург, январь 2025 года

Второго января они в первый раз встретились днём.

Он предложил это сам, ночью, в «Острове», и сам удивился, что предложил. За пять лет он ни с кем не встречался днём. Днём он был сисадмином в музее, человеком без особых примет, одним из пяти миллионов. Ночь была его временем. Ночью он был собой.

— У сфинксов, — сказала она. — В двенадцать.

— Почему у сфинксов?

— Потому что их видно издалека.

Он пришёл без десяти. Она уже была там.

Она стояла не у самих сфинксов, а чуть в стороне, у гранитной стенки спуска к воде, — так, чтобы за спиной был камень, а перед глазами — вся набережная. Он это заметил. Он вообще замечал за ней такие вещи с первой ночи: как она садится лицом к двери, как оглядывается на углах, как держит сумку — левой рукой, прижимая к боку, чтобы правая была свободна. Он думал, что так ведут себя женщины, которых когда-то обидели. Он видел таких в тихой комнате каждый день. Он думал, что знает, как они выглядят.

Солнце висело низко над Невой, белое, холодное, почти не светящее. Лёд был розоватый. Сфинксы смотрели друг на друга поверх спуска к воде с выражением древнего презрения ко всему, что произошло за последние три с половиной тысячи лет.

— Они из Фив, — сказал он. — Им три тысячи четыреста лет. Их сюда привезли в тысяча восемьсот тридцать втором. Говорят, если долго смотреть им в глаза, можно сойти с ума.

— Кто говорит?

— Люди, которые долго смотрели им в глаза.

Она засмеялась. На свету он впервые как следует разглядел её лицо. Серые глаза. Светлая коса, тугая, тяжёлая, заправленная под шарф. И тонкий белый шрам на подбородке, слева, почти незаметный.

— Это откуда? — Он показал на свой подбородок.

— Велосипед. Мне было восемь. Съехала с горки за домом, прямо в забор. В Туле. — Она запнулась. На долю секунды, не больше. — У бабушки. Я у бабушки в Туле летом жила.

— Шрамы украшают.

— Это мужчин украшают. Женщин — нет.

— Это кто сказал?

— Бабушка.

Он кивнул и ничего не сказал. Но он запомнил эту долю секунды, эту маленькую паузу между «в Туле» и «у бабушки». Он не знал ещё, зачем. Просто запомнил.

Перед тем как уйти, он достал телефон.

— Можно я тебя сфотографирую? С ним. — Он кивнул на ближнего сфинкса. — У меня нет ни одной твоей фотографии.

Она помедлила. Он видел, что ей не хочется. Видел, как она решает. Потом пожала плечами:

— Можно.

Она встала у гранитного постамента, рядом с огромной каменной лапой, и не улыбнулась, а просто посмотрела в камеру, прямо, серьёзно, как смотрят на фотографиях для документов. Ветер с реки трепал выбившуюся из косы прядь.

Он сделал два снимка.

* * *

Он проверял всех.

Это началось в девятнадцатом году и с тех пор было как мыть руки. Каждого человека, который подходил к нему ближе, чем на расстояние вежливого разговора, — каждого. Борю он проверил в первую же неделю, как начал ходить в «Остров». Боря оказался физиком-теоретиком, который в девяносто седьмом году ушёл из института, потому что не платили зарплату, и открыл книжный, потому что больше ничего не умел, кроме как читать. Новую директрису

музея проверил. Соседку по лестнице, которая слишком часто спрашивала, кто такая Мальцева. Девушку, с которой у него был короткий роман два года назад. Он не гордился этим. Он просто не мог иначе. Человек, у которого есть тайна, перестаёт верить в случайности.

Пятого января, ночью, он сел за ноутбук и начал искать Аню.

Это заняло сорок минут.

Первым он нашёл не её, а фотографию. Тульская областная газета, старый номер, май четырнадцатого года, оцифрованный и выложенный на сайт, который никто никогда не читал. Статья называлась «Дочь продолжает дело отца». Под заголовком — снимок: молодая женщина в полицейской форме, в фуражке, с тугой светлой косой из-под фуражки, стоит у мемориальной доски на стене здания. На доске — фамилия, имя, годы жизни. На подбородке у женщины, слева, — маленький белый шрам.

«...майор Андрей Воронцов погиб в 2009 году при задержании вооружённого преступника в посёлке Плеханово. Сегодня его дочь Дарья — лейтенант полиции, сотрудник одного из московских подразделений МВД. „Папа всегда говорил: если ты знаешь, кто виноват, и молчишь — ты тоже виноват“, — рассказывает Дарья...»

Он прочёл статью три раза. Потом пошёл дальше.

Вторым он нашёл решение суда, выложенное на сайте Московского городского суда, — скучный документ на двадцать страниц про хищение средств с банковских карт. На четырнадцатой странице, в перечне свидетелей обвинения, стояла строчка: «оперуполномоченный по особо важным делам управления „К“ МВД России Воронцова Д. А.».

Управление «К». Подразделение МВД, которое ловит тех, кто прячется в сети.

Дальше он искать не стал. Дальше было не нужно.

* * *

Он закрыл ноутбук и сидел в темноте на кухне, на подоконнике, на своём обычном месте. Был четвёртый час ночи. Он не пошёл в «Остров». Он знал, что она сидит там сейчас, за длинным столом, спиной к стене, лицом к двери, и клеит свой «Вестник Европы», и ждёт, когда он придёт.

Ждёт.

В пять он встал, достал из шкафа рюкзак и начал собираться. Паспорт. Второй паспорт — да, у него был второй, на всякий случай, с девятнадцатого года, ни разу не использованный. Наличные — немного, тысяч сто. Ноутбук. Зарядки. Мамина фотография в рамке, с кухонной полки: мама в Павловске, в девяносто втором, в белом платье, смеётся. Свитер. Ещё свитер. Шарф тёти Лены.

Рюкзак получился лёгкий. Вся его жизнь весила килограммов шесть.

Он сел на кровать с рюкзаком на коленях и просидел так до рассвета. В январе в Петербурге рассвет в десятом часу, так что сидел он долго.

Он думал о том, как всё это сложилось. Ноябрь, «сова», четыре минуты в гостевой сети книжного. Он знал, что это ошибка. Он подумал: один раз. Один раз оказалось достаточно. Кто-то в Москве увидел эти четыре минуты, и через месяц в «Остров» спустилась женщина со светлой косой и разбитой книгой, и села спиной к стене, и стала смотреть на всех.

Она нашла его. Ну, почти нашла. Она пока не была уверена — иначе здесь уже была бы группа захвата. Она смотрела. Ждала. Проверяла.

Можно было уехать. Прямо сейчас. Рюкзак собран. Поезд до Москвы, оттуда — куда угодно, у Вадима были люди, которые умели вывозить. Можно было исчезнуть, как исчезали те, кому помогала тихая комната. Он знал, как это делается, лучше, чем кто-либо.

Можно было.

В девять утра, когда в окне напротив загорелся свет и кто-то в чужой кухне поставил чайник, он расстегнул рюкзак и начал выкладывать вещи обратно. Свитер. Ещё свитер. Мамину

фотографию — на кухонную полку, на то же место. Второй паспорт — в шкаф, под бельё, где он и лежал пять лет.

Он не мог бы объяснить это словами. Если бы кто-то спросил — а никто не спросил, — он сказал бы, наверное, что устал. Что пять лет прятаться — это очень долго. Что он и так собирался всё рассказать и сдаться, он же сказал это Вадиму. Что если уехать, то комната останется одна, с Вадимом и его ключом. Что если не она, то найдёт кто-то другой. Рано или поздно. Не в этом году, так в следующем.

И если уж кто-то найдёт — пусть лучше она.

Это была правда. Но это была не вся правда. Всю правду он не говорил даже себе. Всю правду он понял гораздо позже — на крыше, в феврале, когда уже ничего нельзя было изменить.

* * *

Шестого, в Сочельник, он сделал ещё одну вещь, которую делать не стоило.

Он нашёл страницу её брата.

Это было несложно. Воронцовых в Туле немного. Константин Андреевич Воронцов, 1997 года рождения. Страница в соцсети, которую никто не удалил, — так бывает, страницы умерших живут дольше, чем люди. Фотографии: лохматый смеющийся парень с гитарой. Парень на мотоцикле. Парень на какой-то сцене, в кафе, с микрофоном, — группа «Сухой закон», судя по надписи на барабане. Последний пост — шестнадцатое декабря двадцать второго года: «скоро новый год а я ещё не купил подарки. мама прости».

Под ним — комментарии. Много, за два года. «Костян, помним». «Брат, как же так». «Светлая память». Чей-то короткий: «передоз. Тула. 19.12. Ребята, кто что знает — пишите в личку». И ещё один, от девятнадцатого декабря двадцать третьего года, без фотографии профиля, от аккаунта с одной буквой вместо имени:

Котя, прости, что не уберегла. Д.

Он закрыл ноутбук очень медленно, как закрывают дверь в комнату, где кто-то спит.

На «Пристани» в Туле было сорок с чем-то витрин. Он помнил это, потому что в двадцать втором году, когда «Пристань» росла быстрее всего, Вадим присылал ему графики по городам — гордился. Тула была в первой двадцатке. Он не знал, у кого покупал Костя. Он не знал, на «Пристани» ли он вообще покупал. В Туле было много мест, где можно купить смерть, и «Пристань» была лишь одним из них.

Он не знал.

Он сидел на полу в кухне, прислонившись спиной к холодной газовой плите, на которой никогда ничего не готовил, и думал о том, что не знать — это тоже ответ. Что «пристань — пробоина», как он сам когда-то написал, — это не метафора. Что в пробоину уходят люди. Настоящие. С гитарами.

В ту ночь он впервые понял, что закроет «Пристань» любой ценой. Не «когда-нибудь», не «вот уговорю Вадима». Любой ценой. Даже если это будет стоить всего, что у него есть, — а было у него немного: тихая комната, тётя Лена, мамина фотография на полке, длинный стол в «Острове» и женщина, которая сидела за этим столом спиной к стене.

* * *

Он не перестал с ней встречаться.

Он приходил в «Остров» каждую ночь. Они разговаривали до утра. Ходили по городу. Он показывал ей свой Петербург — не открыточный, а тот, который знал с детства: дворы на Петроградской, где под аркой можно услышать собственное эхо, если крикнуть; старую водонапорную башню; булочную на Большом проспекте, где пекли лучшие на острове пирожки с капустой и продавщица называла всех «сынок», независимо от пола.

И он писал ей.

Днём, из музея, ночью, из дома. Короткие сообщения, как всегда — без заглавных, без точек, с тире. И почти в каждом — одно слово, которое он раньше употреблял, не замечая, а теперь вставлял нарочно.

*в пятницу в музее выставка открывается — детские книжки двадцатых — приходи —
впрочем, там будет скучно, директор будет говорить речь*

у бори кончился сахар — это катастрофа — впрочем, я принесу

*спокойной ночи — то есть доброго утра — впрочем, ты сейчас наверняка не спишь, а
клеишь свой вестник*

Он знал, что она знает, как пишет Ной. Он не знал этого наверняка — но был уверен. Человек, который три года ищет другого человека по его словам, знает эти слова наизусть. И вот он писал ей — словами Ноя. Как будто махал ей рукой из-за угла: я здесь. Посмотри. Ну посмотри же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.